

ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НОРМ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ*

А. Ю. Гусев, А. А. Казанцев
МГИМО(У) МИД России

Аннотация. В работе прогнозируются общие характеристики развития человеческих цивилизаций в регионах мира, сопредельных России (Европа, исламский мир, АТР). Данная проблема анализируется в контексте вопроса о распространении норм в рамках системы международных отношений – процесса, играющего ключевую роль в обеспечении устойчивости данной системы. В работе делается вывод, что скорость распространения норм в системе международных отношений в XXI-м веке будет умеряться целым рядом факторов. Во-первых, анализ динамики развития Европы и США показывает очевидное снижение унифицирующего потенциала, возникающего за счет влияния западного мира на другие локальные человеческие цивилизации. Во-вторых, изучение развития исламской локальной человеческой цивилизации показывает наличествующий в ее рамках серьезный потенциал неприятия унификации норм в рамках системы международных отношений. В-третьих, анализ группы локальных человеческих цивилизаций, существующих в регионе АТР показывает, что экономический подъем данного региона приводит к формированию представлений о наличии культурно-цивилизационных норм, альтернативных европоцентристскому миру.

Ключевые слова: локальная человеческая цивилизация, устойчивость системы международных отношений, распространение и унификация норм, западный мир, исламский мир, АТР.

Copyright: © 2016 Гусев, Казанцев. Данная статья публикуется онлайн в сетевом научном журнале открытого доступа “Tractus aevorum” на условиях лицензии Creative Commons Attribution License, которая позволяет другим распространять эту работу с обязательным указанием ссылок на ее автора и оригинальную публикацию.

Адрес для корреспонденции: А. Ю. Гусев, А. А. Казанцев. МГИМО(У) МИД России, Институт международных исследований. 119454, Москва, пр. Вернадского, 76. E-mail: lgoussev[at]yandex.ru; andrka[at]mail.ru

* Статья подготовлена в рамках проекта РНФ «Долгосрочное прогнозирование развития международных отношений» № 14-18-02973. Англоязычная версия статьи опубликована в предыдущем номере журнала «Tractus aevorum».

THE EVOLUTION OF LOCAL HUMAN CIVILIZATIONS AND THE PROBLEM OF THE PROLIFERATION OF STANDARDS IN INTERNATIONAL RELATIONS

L. Iu. Gusev, A. A. Kazantsev
MGIMO University

Abstract. The authors consider the ongoing development of local human civilizations in the neighboring regions to Russia (Europe, the Islamic world, and the Pacific Rim). This issue is analyzed through the proliferation of norms within the system of international relations, a key process in guaranteeing international stability. The authors conclude that the speed of norm proliferation in international relations in the twenty-first century will be hampered by a number of factors. First, the dynamics of European and American development indicate a clear decrease in unifying potential as a result of Western influence on other civilizations. Second, the study of the development of Islamic civilization indicates a significant potential for rejection of norm unification. Third, analysis of Pacific Rim civilizations demonstrates that economic development of this region is accompanied by a set of alternative cultural norms to the Eurocentric world.

Keywords: human civilizations, international relations, proliferation and unification of norms, Western world, Islamic world, Pacific Rim.

Распространение норм в рамках системы международных отношений – процесс, играющий ключевую роль в обеспечении устойчивости (robustness) данной системы.

Устойчивость, в свою очередь, является важнейшей практической проблемой, связанной с обеспечением безопасности государств современного мира, прежде всего России (Кузнецов, Сергеев, 2008). Эта исследовательская проблема стала одной из ключевых в рамках исследовательского проекта «Долгосрочное прогнозирование развития международных отношений», реализуемого в Центре военно-политических исследований МГИМО МИД России под руководством профессора А. И. Подберезкина.

Цивилизационное своеобразие, в частности наличие локальных цивилизаций, является одним из важнейших компонентов, обеспечивающих определенное «торможение» процесса унификации норм в рамках системы международных отношений. При этом имеется сложная диалектическая связь между проблемой унификации и проблемой устойчивости. Слишком большая унификация снижает устойчивость системы к шоку, который может поразить одновременно все ее элементы. Слишком малая степень унификации снижает степень экономической взаимозависимости, повышает сложности во взаимопонимании и резко увеличивает вероятность конфликтов в

рамках системы. Анализ цивилизационной проблематики отвечает целому ряду актуальных тенденций развития политической науки, изучения современных международных отношений и комплексного изучения проблемы распространения норм и инноваций (Казанцев 2001; 2003; 2007).

В рамках данной статьи будет сделан прогноз развития трех ключевых цивилизационных зон, расположенных на периферии российских границ и включающих в себя: 1) страны Запада, 2) страны исламского мира и 3) страны региона АТР. Данный обзор позволит нам предварительно спрогнозировать степень унификации системы международных отношений на периферии российских границ и позволит оценить перспективы распространения норм в системе международных отношений на длительную перспективу.

Западный мир в XXI веке: перспективы цивилизационного развития

В целом, сейчас за тем, что называется Западным миром, стоит одна достаточно определенная модель развития. Она предполагает идеологию и систему ценностей, сочетающую следующие принципы: а) приоритет прав атомарного индивида над групповыми общностями («права человека»); б) конкурентную политическую систему со свободными выборами как единственную легитимную форму политического правления («демократию»); в) распределение ресурсов на свободном рынке как единственную эффективную форму хозяйствования («рыночную экономику»); г) приоритет указанных выше принципов по отношению к национальным законодательствам государств («ограничение национального суверенитета»). Предполагалось даже, что «национальное государство исчезнет под воздействием глобальных коммуникаций» (Negroponte 1995, p. 243). На практике Западный мир также связан с военно-политическим лидерством США.

Существенно то, что эти принципы и многие попытки реализовать их в мировом масштабе не лишены потенциальных внутренних противоречий. Например, демократия, понятая как неограниченное господство большинства над меньшинством, может противоречить идее прав человека. В не меньшей степени предполагаемое демократией и правами человека равенство противоречит неравенству, на котором основана рыночная экономика. Возможность же международного вмешательства в реальности может часто реализовываться при помощи практики «двойных стандартов» в соответствии с настроениями, доминирующими в элитных и массовых кругах США.

К тому же, социально-политические реалии многих азиатских и африканских стран трудно адаптируются к этим принципам. Например, индивидуализм противоречит высокой роли кланово-групповой лояльности. Рыночная экономика плохо уживается с политическими системами, основанными на личном патронаже, и т.п.

Существует противоречие и в западном варианте создания структуры глобального порядка. Параллельно с глобализацией во всем мире происходит повышение ценности локальных культур, все более распространенными становятся практика поощрения разнообразия культурно-цивилизационных форм, борьба с попытками любого навязывания внешних норм. В частности, это находит отражение в распространенном на Западе *постмодернизме*.

В незападных странах глобализация вызывает к жизни противостоящие ей феномены традиционализации (Хантингтон 2006). «Чем больше растет экономическая взаимозависимость, тем сильнее будем мы подчеркивать свои различия, в особенности языковые. Глобализация экономики будет сопровождаться ренессансом в языковом и культурном самоутверждении» (Нейсбит 2003, с. 380). Протест против западноцентричной глобализации проявляется в разных формах в различных культурных средах. На Западе, например, это разгром «Макдональдсов» антиглобалистами. В исламском мире традиционализация принимает форму джихада против глобальной экспансии западных ценностей (Казанцев 2003).

Западный мир – это прежде всего коалиция весьма эффективно действующих государств Европы и их переселенческих колоний (США, Канада, Австралия). Эта группа стран имеет единый цивилизационный фундамент (западное христианство), общую историю и культуру, связанную с Европой, сходный набор общих неформальных институтов (ценности демократии, рынка, прав человека, индивидуализма и т.д.). Эти страны тесно интегрированы целым рядом чрезвычайно эффективных региональных организаций: НАТО, ЕС, АНЗЮС и т.д. Деятельность многих ключевых международных организаций («Группа восьми индустриально развитых государств», МВФ) тесно связана с интересами этой коалиции. Вступление в неё приносит много разнообразных преимуществ. Поэтому к коалиции тесно примыкают и многие другие развитые (Япония) и развивающиеся страны, имеющие другой исходный культурно-цивилизационный базис.

Тем не менее, многие достаточно сильные государства (в первую очередь Россия, Китай, Иран) не входят в эту коалицию, лишь эпизодически с ней сотрудничая или конкурируя. При этом они официально поддерживают идею «многополярного мира», что тоже является одной из форм борьбы с политической глобализацией.

Ключевыми факторами, которые будут определять эволюцию Западного мира в долгосрочной перспективе, являются его демографический и экономический упадок. Первый будет проявляться особенно наглядно на фоне быстро растущего населения стран Африки и ряда стран Азии. Второй будет выражаться в относительном уменьшении доли экономики стран ЕС и США в мире по сравнению, прежде всего, с Китаем, Индией и рядом стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Впрочем, все это отнюдь не свидетельствует об *абсолютном* упадке Западного мира. Пока нет объективных данных, которые бы

позволили его прогнозировать. Уровень жизни на Западе будет оставаться высоким, но США и ключевые государства ЕС, уступая многим азиатским и африканским странам по количеству населения, а новым экономическим гигантам (прежде всего Китаю) – по размеру ВВП, не смогут объективно решать все основные мировые вопросы.

Помимо этого, Запад все больше будет сталкиваться с вызовом, связанным с инкорпорацией мигрантов в принимающее общество. По мере роста демографического разрыва между Западом с одной стороны, азиатскими и африканскими странами – с другой миграция будет только усиливаться. При этом кризис модели мультикультурализма на Западе делает все более сложной интеграцию этих мигрантов. Эта культурно-цивилизационная проблема уже приобрела важное военно-политическое измерение, о чем свидетельствуют, например, готовность большого количества мусульман-мигрантов отправляться на войну с Западом в Сирию, Ирак или Афганистан, а также рост террористической деятельности в самих западных странах. В дальнейшем эта культурно-цивилизационная проблема будет только усиливаться. Путей ее решения пока не найдено, и трудно прогнозировать, что они будут обнаружены.

В целом, проведенный выше предварительный анализ развития западной локальной цивилизации показывает снижение ее унифицирующего потенциала, возникавшего за счет влияния на другие цивилизации, что само по себе является одним из факторов, обеспечивающих достаточно умеренный тип унификации норм в процессе глобализации в XXI веке.

Исламский мир в XXI веке: перспективы цивилизационного развития

Ислам – многоликая религия, включающая в себя огромное количество разнообразных измерений и обогатившая человечество множеством великих духовных свершений. Говоря о специфической исламской цивилизации, при всей ее многоликости можно вычленить некие общие социально-политические и психолого-политические последствия, которые вызывает принадлежность того или иного общества к миру ислама, и одновременно специфические однотипные проблемы, возникающие у немусульманских государств-партнеров исламских стран при выработке внешней политики (Kazantsev 2008).

Известный востоковед-компаративист Л. С. Васильев отмечал следующее: «...мусульманские государства были, как правило, весьма могущественными. Несложная их внутренняя административная структура обычно отличалась простотой и стройностью. Эффективность центральной власти, опиравшейся на принцип власти-собственности, господство государственного аппарата власти и взимание в казну ренты-налога с последующей ее редистрибуцией, подкреплялась, как не раз уже упоминалось, сакральностью власти и покорностью подданных» (Васильев 2001, с. 184). В результате для всех современных исламских государств характерны элементы этатизма,

патернализма, непомерно раздутый государственный сектор, нераздельность политико-административной власти и контроля над собственностью, низкая степень экономической свободы. Эти «антирыночные» тенденции усиливаются специфическим для исламского мира эгалитаризмом, представлением об исходном равенстве возможностей всех людей и антиэлитизмом. В результате массовые движения в исламских государствах, как правило, антилиберальны.

В не меньшей степени для исламских обществ характерны «чувство совершенства образа жизни в сочетании с всеобщностью и всесторонностью ислама, опутывавшего общество наподобие густой паутины, что всегда было залогом крайнего консерватизма и конформизма мусульман, чуть ли не ежечасно (вспомним об обязательной ежедневной пятикратной молитве!) призванных подтверждать свое религиозное рвение» (Ibid.). Это часто приводит к очень высокой степени консерватизма, к неприятию инноваций, подозрительному отношению ко всякой самостоятельной творческой деятельности. Эта традиционная структура задает очень сложную ситуацию в плане современных инноваций (Сергеев, Саруханян 2012). Очень сильно на рост консервативных настроений повлияло закрытие «врат итджихада» (то есть запрет самостоятельной рациональной интерпретации принципов и норм ислама) в X в. Запрет сохранился и до настоящего времени.

В сочетании с могуществом патерналистского государства и эгалитаризмом консерватизм исламского мира приводит к очень серьезным сложностям в развитии не только постиндустриальной, но даже индустриальной экономики. Достаточно сложно опровергнуть тот факт, что экономика любого мусульманского общества носит преимущественно аграрный или сырьевой характер. Из более современных сфер экономики в исламском мире хорошо развиваются только торговля и сфера услуг. Единственным исключением из этого правила являются Малайзия и до определенной степени Турция. Однако Малайзия цивилизационно относится к Азиатско-Тихоокеанскому региону, а ключевую роль в ее экономическом развитии играет китайское меньшинство. Турция же со времен Ататюрка проводила последовательную деисламизацию всех сфер жизни.

То обстоятельство, что исламскому миру очень трудно принять либеральную демократию, сложно опровергнуть. Более или менее стабильные демократические режимы были характерны только для двух стран: Турции и Ливана. Тем не менее, в Турции периодически происходили военные перевороты, а ее армия в соответствии с заветами Ататюрка считала себя гарантом светского пути развития государства. Демократия в Ливане основывалась на преобладающей роли христиан-маронитов и дестабилизировалась по мере усиления влияния мусульманского населения страны.

Важной характеристикой традиционного ислама является его воинственность и склонность к конфликтам с внешним миром. Разумеется, этот мобилизационный потенциал религии реализуется в реальности не столь часто.

Нельзя в соответствии с широко распространенными на Западе заблуждениями в духе «столкновения цивилизаций» считать большинство мусульман экстремистами и джихадистами. Традиционные для мира ислама представления о глобальном единстве общины верующих – уммы – достаточно редко принимают характер борьбы за «всемирный халифат». Куда более широкое распространение среди теологов и исламистской интеллигенции получил исламский национализм. Его сторонники выступают за приоритет идей ислама, но в рамках национальных государств. Еще большее количество сторонников в мире ислама имеет модернистская трактовка, которая позволяет тем или иным образом согласовывать нормы ислама с требованиями современности. Даже среди сторонников «всемирного халифата» достаточно много приверженцев мирных просветительских путей борьбы. В этом случае речь идет, скорее, об интеграционном движении внутри исламского общества.

Однако практически среди всех направлений современного ислама идет поиск альтернативных Западу форм внутриполитической жизни и внешнеполитической ориентации. Это характерно даже для большей части исламских модернистов, которым часто свойственны идеология «третьего пути», популизм, социальный консерватизм, этатизм, неприятие либеральной демократии и свободного рынка.

«...[И]сламское движение – умеренно-либеральное или радикальное – ориентировано на поиск “исламского решения” современных, в том числе политических, проблем. Однако представление о том, что такое “исламское решение”, у представителей различных политических и социальных сил, идеологов и лидеров разное, каждый по-своему толкует исламские истины. Но общим остается стремление использовать в политике концепцию планетарного единства мусульманской общины, основанную на тезисе, что ислам есть интегрированная социально-политическая, социально-экономическая и социально-культурная система, выступающая против экспансии индустриально развитого евро-американского мира. Сегодня это имеет форму движения исламской солидарности» (Левин 1999, с. 114).

«Альтернативность» ислама в существенной степени реализуется в международно-политической жизни. «Во всем этом просматривается относительная альтернативность всей системы международных организаций исламского мира и норм, которыми они руководствуются, – по отношению к так называемой западной, т.е. предполагаемо неорганичной для исламских государств системе международного права и международных отношений» (Игнатенко 2001, с. 8). Более того, среди исламских организаций прослеживается четкая тенденция

дублировать «западные» глобальные международные организации: ОИК – аналог ООН; Исламская комиссия Международного Красного полумесяца – аналог Международного Красного Креста; Исламский банк развития – аналог Международного банка развития; Исламская организация по образованию, науке и культуре – аналог ЮНЕСКО; Исламская федерация спортивной солидарности – аналог Всемирного олимпийского комитета. Ключевые международные документы также имеют альтернативные исламские аналоги: Всеобщая Декларация прав человека – Исламская декларация прав человека; комплекс международных документов по борьбе с терроризмом – исламский договор о борьбе против международного терроризма ОИК и т. д. (Ibid., с. 8–9).

В целом, исламский мир, несмотря на разделяющие его противоречия, так же, как и Запад, представляет собой цельную *коалицию государств на цивилизационной основе*. Ее интегрируют общий цивилизационный фундамент, наличие большого количества международных государственных и неправительственных организаций, распространенное среди масс мусульман ощущение общности и исламской солидарности. Материальным показателем жизнеспособности такой международной коалиции выступает большая финансово-экономическая помощь, которую богатые (прежде всего нефтедобывающие) исламские страны оказывают бедным. Специфический характер этой помощи заключается в том, что она идеологически тесно увязывается с различного рода «исламскими» целями: исламским просвещением, исламской солидарностью и т.д. Наконец, *показателем реального существования «исламской коалиции» в мире является то, что она поддерживает «свой» вариант формирования структуры глобального порядка, основанный на исламе (при всей реальной вариативности понимания ислама)*.

В XXI веке все указанные выше характеристики мира ислама сохраняются. Он по-прежнему будет искать «исламскую альтернативу» «западноцентрической» глобализации. Продолжающийся демографический рост даже приведет к усилению относительной роли мира ислама в глобальном масштабе. Впрочем, увеличение населения без серьезного экономического роста – это еще и вызов развитию и даже стабильности. Одновременно с демографическим ростом будет действовать тенденция к экономической деградации, так как ни одно из государств исламского мира (за частичным исключением расположенных в АТР Малайзии и в меньшей степени Индонезии, а также отчасти расположенной в Европе Турции) не сумело «вписаться» в постиндустриальный мир и даже создать индустриальную экономику. Возможное уменьшение роли углеводородной экономики в XXI веке может привести к резкому падению значения таких ключевых исламских стран, как Саудовская Аравия и Иран.

Вторая важная тенденция для мира ислама в XXI веке – продолжение роста религиозного экстремизма. Этот рост будет происходить по мере углубления экономического отставания исламских

государств и увеличения перенаселенности. Религиозный экстремизм будет задавать динамику разного рода серьезных конфликтов, куда будут вовлечены не только исламские страны, но и государства других цивилизационных районов Земли (Казанцев 2002).

Третья тенденция – сохранение высокой степени вероятности образования «несостоявшихся государств» в мире ислама. К этому ведут негативные социально-экономические факторы, перенаселенность, а также рост исламского экстремизма.

Четвертая тенденция – раздробленность мира ислама и тяжелые внутренние конфликты между различными направлениями исламской религии, проявляющиеся как в противостоянии государств (например, в настоящее время – Ирана и Саудовской Аравии), так и в экстремистско-террористической деятельности.

В целом, проведенный выше предварительный анализ развития исламской локальной цивилизации показывает наличествующий в ее рамках серьезный потенциал неприятия унификации норм в рамках системы международных отношений. Более того, острота внутренних конфликтов в исламском мире свидетельствует о том, что распространение норм даже внутри группы стран соответствующей цивилизационной традиции сталкивается с серьезными проблемами.

Регион АТР и эволюция «азиатизма» в XXI веке: перспективы развития сложносоставной цивилизации АТР

Азиатизм (или паназиатизм) – достаточно сложный комплекс идеологий, распространенных в современном Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), вплоть до Китая и Индии (Левин 1999, с. 196). Единство народов этого региона возникло благодаря становлению гигантской торговой и культурно-цивилизационной зоны, связывавшей все страны региона (испытывавшие влияние китайской конфуцианской культуры, индийских буддизма и индуизма, наконец, ислама, пришедшего через Индию) еще до прихода европейцев (Бродель 1992, с. 679). В рамках этой зоны происходил также и культурный синтез. Причем движение навстречу друг другу шло с обоих концов Азии. Еще в минскую эпоху (1368–1644 гг.), до европейских Великих географических открытий, китайские военно-торговые флоты огибали всю Азию, доходя до Африки. С другого конца Азии тот же морской путь проложили исламские торговцы из Индии и Юго-Восточной Азии, где уже осуществлялся синтез исламской и индуистско-буддистской культур.

Европейские колонизаторы, установившие контроль над этими морскими путями с XV–XVI вв., по сути только присвоили себе уже существовавшую систему торговых и в меньшей степени культурных связей. При этом Китай сохранял роль наиболее экономически развитой части мира почти до опиумных войн (XIX в.), после которых эта роль окончательно перешла к Англии. Однако уже к концу XIX в. все страны этого гигантского региона, кроме Японии (частично, а также, в еще меньшей степени, Китая и Таиланда), представляли собой колонии, полуколонии или зависимые страны.

Начало роста идеологии азиатского единства можно усмотреть в реакции на победу Японии над Россией в войне 1904–1905 гг. Прежде среди народов этого обширного международного региона под влиянием стереотипов европейцев было распространено мнение о собственной отсталости и даже расовой неполноценности, о необходимости полностью отказаться от традиционных ценностей. Тем не менее, успешная военно-экономическая модернизация Японии, в результате которой она даже сумела победить великую мировую военную державу, показала, что азиатские народы (представители монголоидной расы) способны эффективно отвечать на вызовы современности. Оказалось, что при этом могут быть сохранены многие традиционные институты и ценности (как это имело место в Японии), более того, именно они могут оказаться базисом эффективности в соревновании с европейцами.

В контексте борьбы с колониализмом азиатизм принял лозунг «Азия для азиатов». При этом вполне в духе многих научно-идеологических представлений, распространенных в том числе и в Европе того времени, предполагалось, что за расовым «азиатским» единством просматривается единство «азиатских» ценностей и культур. Часто прослеживалось определенное сходство интересов как всех антиколониальных движений в АТР, так и японского экспансионизма, заинтересованного в вытеснении европейцев из Восточной Азии (собственно, японский конструкт, призванный подчеркнуть лидерство Японии в регионе). Так возникли элементы коалиционных взаимодействий между различными азиатскими народами, которые сохранились и были воспроизведены в послевоенный период.

Япония, много сделавшая для рождения азиатизма, в период войны с Китаем и Второй мировой войны совершила много преступлений, настроивших против нее другие азиатские народы. Тем не менее, именно чудесный экономический подъем Японии после Второй мировой войны привел к изменению характера азиатизма. Наряду с различного рода антиколониальными и антипостколониальными настроениями в нём зародились представления о социально-экономической модернизации с опорой на традиционные ценности и структуры в торгово-инвестиционном взаимодействии с Западом.

Вслед за Японией возникли новые азиатские «тигры» (Сингапур, Гонконг, Тайвань, Южная Корея). Вскоре в экономическом развитии их стали догонять Малайзия и (в меньшей степени) Индонезия. Наконец, процесс бурного экономического роста охватил после реформ Дэн Сяопина и Китай, который вновь в 1990-е гг. вернул себе статус «мастерской мира». В настоящее время уже произошел перенос центра «тяжести» мировой экономики из Североатлантического в Азиатско-Тихоокеанский регион, что стало возможно благодаря одновременному экономическому подъему АТР (прежде всего Китая) и Тихоокеанского побережья США. Более того, появились даже рассуждения о том, что США и Китай сейчас являются «одной экономикой с двумя разными

политическими системами». Действительно, при всей глубине политических разногласий между США и КНР степень их экономической взаимозависимости очень высока (КНР является основным кредитором США, США – основной инвестор и источник технологий для КНР, оба государства также являются друг для друга ключевыми торговыми партнерами). Все эти тенденции в XXI веке будут смягчать военно-политическое противостояние КНР и США.

В области политической культуры народы АТР объединяют ярко выраженный *прагматизм* и стремление максимально использовать потенциал традиционных ценностей для социально-экономической модернизации. С точки зрения политических систем, эти страны представляют достаточно пеструю картину. Авторитарные, полуавторитарные или посткоммунистические режимы, в целом, преобладают. В регионе очень мало демократий. При этом одни из них очень молодые (Южная Корея, Тайвань), другие отличаются специфическими «азиатскими» особенностями (доминирование одной партии в Японии). Таким образом, возникла чрезвычайно привлекательная для многих неевропейских обществ модель развития, сочетающая необычайно успешное развитие рыночной экономики с сохранением существующих социально-политических институтов, часто авторитарного или полуавторитарного типа. В этом плане модель развития, сложившаяся в АТР, представляет собой в XXI веке одну из реальных альтернатив западной модели, основанной на сочетании вестернизации, демократизации и экономической либерализации.

Международное сотрудничество в регионе также стало все больше строиться на основании принципа «азиатские дела должны вершить азиаты». Таким образом, страны региона взяли на себя ответственность за формирование собственной структуры регионального порядка, ревниво относясь к попыткам западных стран вмешаться в этот процесс. Эта тенденция продолжится и в XXI веке, хотя в президентство Обамы она столкнулась с контртенденцией – стремлением США сформировать систему военно-политических союзов по периферии КНР. Однако эта политика сталкивается и с сопротивлением Китая, и с неприятием многих представителей азиатских политических элит.

Это видно на примере работы различных интеграционных структур в АТР. Базисом интеграции в регионе стали «азиатские ценности», противопоставляемые политическому давлению Запада. Зачастую это официально провозглашаемая государственная политика. Так, в Малайзии с начала 1980-х гг. официально объявлена «ориентация на Азию». Сингапур, поддерживающий иммиграцию на свою территорию высококвалифицированных специалистов из других стран, специально поощрял въезд азиатов, а не европейцев. При этом его руководство постоянно подчеркивало роль «азиатских ценностей» в функционировании политической системы государства.

На неформальном уровне азиатские страны также легче взаимодействуют, преимущественно между собой. В целом, у них,

несмотря на определенные разногласия (например, территориальные споры или претензии к Японии за зверства в период оккупации), складывается очень эффективная международная коалиция, в ряды которой стараются не пускать носителей «чужих» ценностей. Так, например, АСЕАН отвергла предложение об установлении зоны свободной торговли совместно с соседними Австралией и Новой Зеландией. «Вопрос о слиянии был снят с повестки дня после того, как в октябре 2000 года три ведущих члена АСЕАН – Малайзия, Индонезия и Филиппины – отказались начать соответствующие переговоры. В первую очередь, из-за недовольства регулярными попытками австралийского правительства навязывать этим странам свое видение мира» (Цыганов 2006).

По мере роста экономического влияния стран АТР, прежде всего Китая, в мире их представления о наиболее оптимальной структуре регионального порядка, основанной на «азиатской» культуре, начинают переноситься и на глобальный уровень. Наиболее активно в этом плане действуют такие государства, как Малайзия и Китай. *Весьма вероятно, что эта тенденция будет существовать, по крайней мере, на протяжении первой половины XXI века. В связи с этим анализ группы локальных человеческих цивилизаций, существующих в регионе АТР (а это цивилизации китайско-конфуцианской, индийской, исламской и ряда других традиций) показывает, что подъем данного региона приводит к формированию представлений о наличии культурно-цивилизационных норм, альтернативных европоцентристскому миру. Этот фактор в долгосрочной перспективе будет снижать степень унификации норм внутри системы международных отношений, а также определенным образом сдерживать тенденцию к унификации внутри нее.*

Заключение

В целом, проведенный выше предварительный анализ развития ряда локальных цивилизаций, расположенных по периферии границ России, показывает, что скорость распространения норм в системе международных отношений в XXI веке будет умеряться целым рядом факторов.

1. Анализ динамики развития Европы и США показывает очевидное снижение унифицирующего потенциала, возникающего за счет влияния западного мира на другие локальные цивилизации.

2. Анализ развития исламской локальной цивилизации свидетельствует о наличии у неё серьезного потенциала неприятия унификации норм в рамках системы международных отношений. Более того, острота внутренних конфликтов в исламском мире говорит о том, что распространение норм даже внутри группы стран данной цивилизационной традиции сталкивается с серьезными проблемами.

3. Анализ группы локальных цивилизаций, существующих в регионе АТР (а это цивилизации китайско-конфуцианской, индийской, исламской и ряда других традиций), показывает, что подъем данного региона приводит к формированию представлений о наличии

культурно-цивилизационных норм, альтернативных европоцентристскому миру.

Описанные факторы в долгосрочной перспективе будут снижать степень унификации норм внутри системы международных отношений. Однако вопрос о том, будет ли это вести к повышению конфликтности и снижению устойчивости системы международных отношений в соответствии с теорией, впервые выдвинутой С. Хантингтоном (2006), или, наоборот, будет обеспечивать системе необходимое для устойчивости разнообразие, является предметом отдельного анализа, в частности, в рамках упоминавшегося проекта «Долгосрочное прогнозирование развития международных отношений», реализуемого в Центре военно-политических исследований МГИМО МИД России.

Библиография

- Бродель, Ф. 1992. *Время мира*. В 3-х т. Т. 3. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. М.: Прогресс.
- Васильев, А. С. 2001. *История Востока*: учеб. для вузов. В 2-х т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 2. М.: Высшая школа.
- Игнатенко, А. А. 2001. Самоопределение исламского мира. В кн. *Ислам и политика: (взаимодействие ислама и политики в странах Ближ. и Сред. Востока, на Кавказе и в Центр. Азии)*: сб. ст. / отв. ред.: В.Я. Белокреницкий, А.З. Егорин. С. 7–20. М.: ИВ РАН.
- Казанцев, А. А. 2007. Интеллигенция и структурные инновации в политическом пространстве (опыт сравнительного анализа). *Полис. Политические исследования* 1: с. 71–93.
- 2003. О когнитивно-неоинституциональном подходе к изучению международных отношений. *Полис. Политические исследования* 1: с. 74–81.
- 2002. «Ваххабизм»: Опыт когнитивного анализа институтов в ситуации социокультурного кризиса. *Полис. Политические исследования* 5: с. 96–109.
- 2001. Политическая наука: проблема методологической рефлексии. Обзор круглого стола. *Полис. Политические исследования* 6: с. 51–63.
- Кузнецов, И. И., В. М. Сергеев. 2008. Проблематика конфликтов «нового поколения»: оценки и прогнозы. *Аналитические записки НКСМИ МГИМО (У) МИД РФ* 5 (34): с. 1–28.
- Левин, З. И. 1999. *Общественная мысль на Востоке: постколониальный период*. М.: Вост. литература.
- Нейсбит Д. 2003. *Мегатренды*. М.: АСТ: Ермак.
- Сергеев, В. М., С. Н. Саруханян. 2012. Модернизация и революция (Турция, Иран и арабские страны). *Аналитические доклады ИМИ МГИМО (У) МИД России* 5 (35).
- Хантингтон, С. П. 2006. *Столкновение цивилизаций*. М.: АСТ.

Цыганов, Ю. 2006. Австралия и Восточная Азия. *Проблемы Дальнего Востока* 2: с. 71–81.

Kazantsev, A. 2008. "Russian Policy in Central Asia and the Caspian Sea Region." *Europe-Asia Studies* 60 (6): 1073–1088.

Negroponte, N. 1995. *Being digital*. New York: Knopf.

References

Braudel, F. 1992 [1979]. *Material'naiia tsivilizatsiia, ekonomika i kapitalizm XV-XVIII vv.* T. 3. Vremia mira [*Civilization and Capitalism, 15th–18th Centuries*. Vol. 3. The Perspective of the World], translated from French by L. E. Kubbel. Moscow: Progress.

Huntington, S. Ph. 2006 [1996]. *Stolknovenie tsivilizatsii [The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order]*, translated from English by Iu. Novikov and T. Velimeev. Moscow: AST.

Ignatenko, A. A. 2001. "Samoopredelenie islamskogo mira." In *Islam i politika: (vzaimodeistvie islama i politiki v stranakh Blizh. i Sred. Vostoka, na Kavkaze i v Tsentr. Azii)* ["Self-determination of the Islamic world." In *Islam and Politics: (Interaction of Islam and Politics in the Middle East, Caucasus and Central Asia)*], edited by V. Ia. Belokrenitski and A. Z. Egorin, 7–20. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.

Kazantsev, A. 2008. "Russian Policy in Central Asia and the Caspian Sea Region." *Europe-Asia Studies* 60 (6): 1073–1088.

----- 2007. "Intelligentsiia i strukturnye innovatsii v politicheskom prostranstve (opyt sravnitel'nogo analiza) [Intellectuals and Structural Innovations on the Political Space in Comparative Analysis]." *Polis. Political Studies* 1: 71–93.

----- 2003. "O kognitivno-neoinstitutsional'nom podkhode k izucheniiu mezhdunarodnykh otnoshenii [On Cognitive Neo-institutional Approach to the Study of International Relations]." *Polis. Political studies* 1: 74–81.

----- 2002. "Vakhkhabizm': Opyt kognitivnogo analiza institutov v situatsii sotsiokul'turnogo krizisa ["Wahhabism:" the Experience of the Cognitive Analysis of Institutions in a Situation of Social and Cultural Crisis]." *Polis. Political studies* 5: 96–109.

----- 2001. "Politicheskaia nauka: problema metodologicheskoi refleksii. Obzor kruglogo stola [Political Science: the Problem of Methodological Reflection. Overview of the Round Table]." *Polis. Political studies* 6: 51–63.

Kuznetsov, I. I., V. M. Sergeev. 2008. "Problematika konfliktov "novogo pokoleniia": otsenki i prognozy [The Problems of Conflicts of "New Generation:" Estimates and Predictions]" *Analiticheskie zapiski NKSMI MGIMO (U) MID RF [Policy Briefs of RCCIR of MGIMO University of the MFA of Russia]* 5 (34): 1–28.

Levin, Z. I. 1999. *Obshchestvennaia mysl' na Vostoke: postkolonial'nyi period [Social Thought in the Orient: The Post-colonial Period]*. Moscow: Vostochnaia literatura.

Naisbitt, J. 2003 [1982, 1984]. *Megatrendy [Megatrends]*, translated from English by M. B. Levin. Moscow: AST: Ermak, 2003.

- Negroponte, N. 1995. *Being digital*. New York: Knopf.
- Sergeev V. M., S. N. Sarukhanian. 2012. "Modernizatsiia i revoliutsiia (Turtsiia, Iran i arabskie strany) [Modernization and Revolution (Turkey, Iran and the Arab Countries)]" *Analytical Reports of the Institute of International Studies of MGIMO University* 5 (35).
- Tsyganov, Iu. 2006. "Avstraliia i Vostochnaia Aziia [Australia and East Asia]." *Problemy Dal'nego Vostoka [Problems of the Far East]* 2: 71–81.
- Vasil'ev, L. S. 2001. *Istoriia Vostoka: ucheb. dlia vuzov [History of the Orient: textbook for higher educational institutions]*. 2nd edition, rev. and add. Vol. 2. Moscow: Vysshiaia shkola.

Об авторах

Леонид Юрьевич Гусев – старший научный сотрудник Аналитического центра Института международных исследований МГИМО (У) МИД России, кандидат исторических наук.

Андрей Анатольевич Казанцев – директор Аналитического центра Института международных исследований МГИМО (У) МИД России, доктор политических наук.